

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

СОСТАВИТЕЛЬ
АЛЕКСАНДР КОЛПАКИДИ

ПУГАЧЕВЩИНА

ЗА ВОЛЮ
И СПРАВЕДЛИВОСТЬ!

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА
2023

УДК 327 (1-87)
ББК 66.4(4/8)
К 61

А в т о р ы:
Виктор Яковлевич Мауль
Андрей Александрович Куренышев
Алексей Павлович Синелобов и др.

Колпакиди А.И. сост.

К 61 ПУГАЧЕВЩИНА. За волю и справедливость! / В.Я. Мауль, А.А. Куренышев, А.П. Синелобов и др. – М.: Родина, 2023. – 240 с.: илл. – (Русская история).

ISBN 978-5-00222-167-7

Сборник статей «ПУГАЧЕВЩИНА. За волю и справедливость!» по замыслу составителей должен представить многообразие мнений историков о причинах и последствиях восстания под руководством Е. Пугачева.

Последовательный анализ общественно-экономических условий в Российской империи второй половины XVIII века, событий самого восстания, предпринятых мер по его усмирению позволяет сделать определенные выводы, сформулировать предположения, которые еще ждут своих убедительных доказательств.

Сборник полезен для тех, кто увлекается историей своей страны, способен применить классовый подход в анализе исторических событий и судеб исторических личностей.

УДК 327 (1-87)
ББК 66.4(4/8)

ISBN 978-5-00222-167-7

© Колпакиди А.И., сост., 2023
© ООО «Издательство Родина», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Я. Мауль. Емельян Иванович Пугачев: путь от донского казака до «царя-батюшки»</i>	6
<i>А. А. Куренышев. Пугачевщина</i>	33
<i>В. Я. Мауль. Емельян Пугачев и комендантская дочка</i>	61
<i>А. П. Синелобов. Пугачев и немка (записки на полях)</i>	74
<i>А. Н. Филиппов. Москва и Пугачев в июле и августе 1774 г.</i>	82
<i>Р. Р. Вахитов. Евразийский герой Салават Юлаев</i>	151
<i>А. В. Сластин. Хроника противостояния</i>	166
<i>В. Я. Мауль. Пугачевский бунт в донесениях иностранных дипломатов: историографический аспект</i>	193
<i>Документы свидетельствуют</i>	205
<i>Примечания</i>	227

Виктор Яковлевич Мауль

Тюменский индустриальный университет,

Нижневартовск, Россия

**ЕМЕЛЬЯН ИВАНОВИЧ ПУГАЧЕВ:
ПУТЬ ОТ ДОНСКОГО КАЗАКА ДО «ЦАРЯ-БАТЮШКИ»¹**

В сентябре 2023 года исполнится 250 лет с начала крупнейшего в дореволюционной России народного бунта под предводительством Емельяна Ивановича Пугачева. Осенью 1773 г. под именем императора Петра III он приобрел первых сторонников среди яицких казаков, а вскоре возглавил борьбу десятков тысяч подневольных людей разной социальной и национальной принадлежности против самодержавно-крепостнического гнета. И хотя бунт обернулся поражением и жестокой расправой над его вождями и рядовыми участниками, Пугачев навсегда вписал себя и свои дела в героические анналы истории.

Колоссальный размах движения и его потенциальная опасность для правящего режима сразу обратили на себя взоры не только потрясенных соотечественников, но и многих иностранных современников [10, с. 181-189]. Стремление власть предержащих понять причины и смысл грозных событий, чтобы, по возможности, исключить их повторения впредь, обусловило необходимость проведения тщательно официального следствия по делу Пугачева и пугачевцев, оставившего нам много бесценных документов [14]. Неудивительно и то, что незаурядностью сюжетных коллизий пугачевский бунт с тех пор и поныне привлекает пристальное внимание отечественных и зарубежных ученых и мастеров изящной словесности, чьими стараниями история пугачев-

щины в разных форматах и с разной степенью подробности была донесена до заинтересованных читателей.

Пугачев. С гравюры неизвестного мастера.
Гос. музей изобразительных искусств

Среди лучших примеров недавних изданий приведу книгу Е.Н. Трефилова «Пугачев», вышедшую в серии «Жизнь замечательных людей» и отразившую новейшие тенденции в изучении пугачевской темы [26]. Появление такой качест-

венной работы было тем более своевременным, что в постсоветский период в адрес великого бунтовщика обрушился буквально шквал умопомрачительной критики, демонстрирующий своеобразный психоз определенной части пишущей братии. В едином порыве безудержной демонизации Пугачева реанимировались и существенно приумножились, казалось бы, давно отброшенные в «сорную корзину истории» и без того крайне негативные суждения дореволюционных предшественников.

Вспоминается десятилетней давности посещение широко разрекламированной СМИ выставки в Манеже, посвященной 400-летию царской династии Романовых. Технологически безупречно обставленная, она, тем не менее, произвела удручающее впечатление предвзятостью трактовок тех страниц прошлого, что не совпадают с догматами православно-монархического историцизма. Среди исторических персонажей, которым особенно не повезло на похвалы организаторов, числился и донской казак Емельян Пугачев. Для полноты впечатления без купюр процитирую взятый со слайдов экспозиции одиозный текст о нем: «Самозванец, предводитель бунта и широкомасштабных грабежей в Поволжье и Южном Урале. В 1771 году дезертировал из армии, стал бродяжничать и заниматься разбоем. Несколько раз попадал под арест, но совершал побеги. В 1772 году был приговорен к каторге. Но бежал, создал шайку, приняв имя императора Петра III. В манифесте «император Петр Федорович» призывал казнить Екатерину II как «неверную жену». В 1773 году многочисленные отряды пугачевцев занимались разбоем на огромной территории от Урала до Волги. Одно имя Пугачева вызывало неподдельный страх среди населения. Политика «императора» была проста: «Семейства крестьянские, престарелых, малолетних и женский пол гнать за своей толпой, а заводские и крестьянские строения выжечь». Большинство соратников Пугачева не интересовало, настоящий он царь

или нет. Главное, что он разрешил им безнаказанно грабить и убивать. Главным финансовым обеспечением «армии» самозванца были не только многочисленные грабежи, но и продажа русских людей на невольничьих рынках Востока. Турция, которая в это время воевала с Россией, охотно приобретала русских рабов. После безуспешной осады Оренбурга Пугачев двинулся на Волгу и взял Казань. Пугачевцы насиловали женщин и убивали мужчин, включая стариков и детей. В Казани они находились всего один день, но успели в пьяной вакханалии полностью разграбить и сжечь город. В знак солидарности с пострадавшим населением Казанской губернии императрица Екатерина II объявила себя казанской помещицей, что вызвало глумление в европейских газетах. В связи с размахом пугачевского восстания правительство вынуждено спешно заключить мир с турками и перебросить в Поволжье армию. Преследуемый правительственными войсками Пугачев двинулся вниз по Волге. Он бежал — «но бегство его казалось нашествием» (Пушкин). Повстанцы потерпели крупное поражение под Царицыном. В сентябре 1774 года Пугачев был выдан своими соратниками властям и доставлен в Москву в клетке. Суд приговорил его к четвертованию».

Что ж, отбросив извинительную после такой характеристики безгливость к пасквильянтам от истории, противопоставить натиску огульного очернительства можно лишь взвешенное, опирающееся на исторические источники научное исследование жизненного пути народного героя. При этом надо помнить о недопустимости подходить к реконструкции минувших событий с аксиологическими и морально-этическими мерками нашей новейшей эпохи. Адекватный взгляд в прошлое возможен только с учетом культурного контекста изучаемого периода. Цель статьи заключается не в пересказе хорошо изученного событийного ряда пугачевского бунта от его возникновения до подавления правительственными войсками, но в намерении выявить и проанализировать узловые

вехи «карьерного роста» Пугачева, прошедшего удивительный путь от донского казака до народного «царя-батюшки».

Жизнь Пугачева разворачивалась на фоне болезненно переживавшегося страной кризиса традиционной идентичности. Еще с петровских времен намеченный властями вектор перемен обусловил переходное состояние русского общества от «преданья старины глубокой» к тотальному заимствованию западноевропейских технологий и незнакомых прежде инноваций. Затеянную верхами «революцию сверху» приходилось осуществлять насильно, через навязывание чужих для страны культурных ценностей, поскольку почва для них не была подготовлена органичным развитием российской истории. Остро ощущаемые симптомы кризиса обнаруживали себя в усилении экономической кабалы общественных низов, их полной политико-правовой недееспособности и невозможности легально выразить недовольство — «выпустить пар». Иными словами, в тогдашних условиях не сформировались компенсаторские механизмы мирного снятия социального напряжения, а потому отстоять право на достойное существование можно было только взявшись за оружие. В ситуации антагонистического конфликта, когда привычный мир человека рушился буквально на глазах, идеализация святой старины становилась единственным психологическим прибежищем от давления бездушной государственной машины. Игнорируя любые резоны простонародья, она под прикрытием законов, как в жерновах, методично перемалывала людские судьбы, играя ими, словно марионетками. Неизбежное в такой ситуации эмоциональное брожение грозило в любую минуту выплеснуться на поверхность жизни мутной пеной грозного русского бунта.

Избрав бунт главным средством защиты родных устоев, традиционная культура искала индивидуальные формы спасения от угрозы распада привычных структур повседневности. Нужен был человек, который не просто бы встал во гла-